

A blue bus is shown from a rear three-quarter view, driving on a snow-covered road. The scene is set in winter, with snow falling from the sky and a pine tree on the right side of the road. The bus has a white stripe along its side and is reflecting the surrounding environment. The overall atmosphere is serene and wintry.

12+

Андрей Толстой

Бывайте!

Андрей Толстой

Бывайте!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57891799

SelfPub; 2021

Аннотация

Лёгкий юмористический рассказ о том, что из самой сложной ситуации всегда можно найти выход, который изменит жизнь к лучшему.

Андрей Толстой Бывайте!

Предисловие

Солнечный свет серебрит сугробы,
Сваливаясь, создавая салют свежести.
Сыпется соль, соткав сизый саван.
Струится, скользит, спит снежный север.
Скромный старик со своею скупой старухой
Смело ставит стакан самогона,
Сопьётся, съест сытный сырок.
Сердце спокойно, сопит самовар,
Седлая скатерть-самобранку,
Свистнет свирель, собака скулит,
Сослепу спутав соседа.
Спичка – свеча скучно сгорела.
Слезами сосулька скорбит.
Старый солдат-сослуживец сюсюкает сына.
Скульптор – сиреневый снег созидает снопы.
Стая сорок, соревнуясь, снуёт, словно скачки.
Студент собирался спугнуть своим сапогом.
Спит снеговик слегка смущённый,
Снятся сладкие свиданья со Снегуркой.

Слабый скрипач – священный сорняк,
Слуга стройных струнных сонат.
Скиталец – сражѐнный снегирь
Сообщает сценарий спектакля.
Скучная сказка сибирских сокровищ,
Строки свинцовых стихов.
Слова собираются сами сквозь сарафан созерцаний.
Свершить собирается счѐты святая Зима.

Зима в селе – это удивительной красоты сказочный мир. Снег на деревьях и домах всегда украшает вид, но основные декорации, конечно, делают сугробы. Сугробы создают чувство мягкости во всѐм окружающем пространстве. А есть величественные, монументальные сугробы, смотреть приятно, сколько вокруг пушистой чистоты!

Грунтовые дороги и дороги, засыпанные щебнем, укатываются снегом и превращаются в ровные, гладкие и становятся лучше асфальтовых. В давние времена именно зима была лучшим временем для торговли и путешествий. Реки замѐрзнут, и можно, не дожидаясь переправы, свободно ехать куда хочешь. Сочетание слов «свободно» и «ехать» даёт головокружительный эффект. Зимой в селе работы меньше, и можно себе позволить куда-нибудь отправиться. Но наш герой был человек особого уклада жизни, он никуда не ездил. Прошло сорок пять лет, как он устроился баянистом в сельском клубе, и для него зима, точнее, череда зимних праздни-

ков, была временем большой работы. Справедливости ради нужно отметить, что работа для Юрия Григорьевича была не только заработком, но прежде всего источником творчества, самовыражения и той самой свободы, которую ищет каждый романтик, даже если ему шестьдесят пять лет. Энергичный, фанатично преданный своему делу, в тот день, впрочем, как всегда, Юрий Григорьевич с радостью шёл в сельский клуб. А тут ещё зимнее солнце блистало фейерверками искр на сугробах и мороз не велик. Воздух колкий, нос щекочет, а дышать легко, и пахнет декабрём.

– Хорошо то как! – радовался Юрий Григорьевич. – Не помереть бы!

Он всегда боялся помереть, когда чувствовал себя счастливым. Ему казалось, что быть счастливым ему, такому маленькому человеку, просто непозволительно. А если ангелы небесные придут по его душу, а он тут счастливый, что они скажут?

– Так вот что ты за человек, Юрий Григорьевич, мы за тобой, а ты уж и позабыл про нас? – упрекнул его серафимы. – Значит, не нужно тебе царство небесное, ты и тут достаточно счастлив? – обидятся и улетят восвояси.

«Нет, счастливым быть страшно, – думал Юрий Григорьевич. – То ли дело быть свободным! Работаешь себе от зари до зари, на радость людям, себе на увлеченье да на кусок хлеба».

Такая нехитрая философия давала ему уверенность, что

он всё в жизни делает правильно, что даже ангелам его не в чем упрекнуть, а это для человека немало значит. Он был человеком, уверенным в себе и в завтрашнем дне.

Сегодня была репетиция хора «Журавушка», и все уже собрались. Юрию Григорьевичу нравилось репетировать с этим коллективом потому, что все участницы хора были намного старше его. И, конечно, баянист был единственным мужчиной в этой клумбе очаровательных дам. Про себя он называл их «Тысяча лет на восьмерых», имея в виду сумму их возрастов.

Они вышли на сцену и пели, не глядя в зал. Пустые кресла в зрительном зале как-то сковывали артистов, строго глядя и слушая их выступление. Куда приятнее было видеть зал, заполненный людьми, которые ровными рядами сидели в этих креслах. Хор спел «Пчёлочку золотую», «Верила, верю», потом что-то ещё, но репетиция была остановлена. Из-за кулис показалась замдиректора по хозяйности Шлякова, которую за глаза называли Шапокляковой за её страсть делать людям гадости.

– К директору, – сказала Шлякова, глядя на Юрия Григорьевича. Потом перевела взгляд на хор и скомандовала: – Домой.

Дамы стали медленно расходиться, Юрий Григорьевич отложил гармошку и привычным жестом, высоко подняв кепку, попрощался с «Журавушками».

– Ну, бывайте!

Не скрывая досады от прерванной репетиции, ведь нужно было ещё столько повторить, он отправился к директору.

В кабинете директора было очень светло и пыльно. Выгоревшие обои и афиши прошлых лет скрывали под собой ещё более выгоревшие обои и афиши совсем давно прошедших лет. В кресле сидел человек, который, уже будучи на пенсии, младенцами нянчил каждую из «Журавушек». За столом сидела мумия человека, который видел ещё первые обои своего кабинета, уже находясь в таком засушенном состоянии. Юрию Григорьевичу даже показалось, что от кресла директора до его плеч тянулась густая паутина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.